

Вклад отечественных ученых в мировую экономическую науку

Ниже излагается материал о вкладе отечественных ученых в экономическую науку, в мировую теоретическую сокровищницу. Вклад этот был по-настоящему весомым. Однако мы не придавали должного внимания этим вопросам, что не могло не оказывать определенного отрицательного воздействия на темпы технического и экономического прогресса в нашей стране. С другой стороны, нельзя впадать и в другую крайность и открывать новый этап борьбы за национальные приоритеты во всех областях.

Объективная информация призвана помочь определить действительное место русской передовой мысли в мировом прогрессе. При этом мы опирались на весьма интересную публикацию, появившуюся недавно в «Вестнике Российской академии наук».

*

*

*

На стадии развитого феодализма возникает и формируется новая наука – политическая экономия, во главу угла которой первые русские экономисты ставили человека и теорию ценности (в смысле полезных для народа приобретений). Они осуждали денежное богатство как символ корыстолюбия, противоречившего нравственным устоям общества. Именно так трактовали теорию ценности И.А. Третьяков, С.Е. Десницкий и многие другие последователи А. Смита в России, включая и официальных представителей российской политической экономии. Этическими мотивами пронизаны и первые отечественные учебники политической экономии, написанные А.А. Бутовским, И.А. Горловым, Э.Е. Вреденом, И.А. Лилеевым, И.В. Вернадским, М.М. Вернадской, Д.Н. Струковым, А.И. Чупровым, А.Я. Антоновичем, И.К. Бабстом и многими другими «классическими» политэкономами.

Например, в учебнике А.А. Бутовского «Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии» (1847) теория ценности представлена в духе традиций классической школы: «Ценность в моем изложении, – писал ученый, – всегда будет выражать по-

лезность, которой приобретение сопряжено с трудностями». Он подразделял ценность на потребительскую и меновую, одновременно подчеркивая общественный характер полезности, служащей условием ценности, а также указывая, что «чисто потребительские ценности» станут таковыми в том случае, «если в них окажется какая-либо полезность для других членов общества» [1].

Таким образом, ставя ценность в зависимость «от трудности добывания», пионеры российской политической экономии в то же время не сбрасывали со счетов общественную полезность хозяйственных благ. Это великое достижение русских политэкономов, ибо в западноевропейской науке того времени либеральные экономисты противопоставляли полезность и затраты, как якобы односторонне определяющие высоту и потребительной, и меновой ценности. А.А. Бутовский преодолевает этот дуализм и, подобно Ф. Энгельсу, связывает воедино общественную полезность благ и экономические затраты, необходимые для их производства. Такой подход характерен почти для всех учебников политической экономии, написанных русскими мыслителями XIX в.

Разумеется, спектр мнений относительно ценности как экономической категории был весьма широк, охватывая длительный временной период – от экономиста петровской эпохи И.Т. Посошкова до Н.Г. Чернышевского. Но все они вплоть до конца XIX в. разделяли трудовую теорию ценности и концепцию «полезного богатства». Затем на сцену выступили психологическая теория ценности и теория предельной полезности, не отвечавшие историческим традициям русской политической экономии. В конце XIX – начале XX в. в России оставалось сравнительно мало экономистов, которые открыто объявляли себя сторонниками трудовой теории стоимости (А.А. Исаев, Н.А. Каблуков и некоторые другие). Большинство же в той или иной степени отдавали дань психологической школе. Одни целиком стояли на позициях этого направления (Р.М. Орженцкий, В.Ф. Залеский, А.Д. Билимович), другие заявляли о необходимости синтеза трудовой теории стоимости и психологической теории ценности (М.И. Туган-Барановский, В.К. Дмитриев, В.Я. Железнов), третьи, не афишируя приверженность психологической теории, фактически разделяли ее исходные принципы (П.Б. Струве, А.А. Мануйлов, Н.Н. Шапошников и многие другие).

Философское обоснование психологической теории ценности впервые пытался дать В.Ф. Залеский. Опираясь на идеи австрийской школы, в рамках которой зародилась теория предельной полезности, он построил учение о происхождении прибыли на капитал. Исходным моментом учения явилось изречение Г. Спенсера о том, что состояния нашего сознания суть единственное, что мы можем знать. Никакой объективности вне мыслящего субъекта нет и быть не может, ибо все свойства вещей «на самом деле вовсе не свойства, а лишь осознаются нами как таковые, будучи до известной степени продуктом нашей психической деятельности» [2, с. 1,2].

Ценность В.Ф. Залеский определял как свойство, которое приписывается людьми объектам внешнего мира «в силу совмещения в них трех условий – полезности, известности человеку и доступности» [2, с. 8]. Если блага не обладают этими тремя качествами, то они не имеют ценности. Полезность вещи, ее потребительная ценность при равенстве

всех прочих условий определяет величину меновой ценности. Другим условием возникновения последней является степень доступности благ. Таким образом, меновая ценность есть то свойство, которое приписывается объектам внешнего мира в силу их годности к обмену. Дополняя учение австрийской школы о субъективной ценности благ, Залеский вводит различие между индивидуальной и социальной потребительной и индивидуальной и социальной меновой ценностью. Потребительная ценность, писал он, есть явление чисто субъективного характера; это есть «суждение о полезности блага». Социальная ценность – это та ценность, которую «благо известного рода имеет для людей вообще в средних условиях существования» [2, с. 14].

Понятие социальной потребительной ценности, по словам Залеского, позволяет соизмерить потребительную ценность различных продуктов и тем самым установить закон колебаний ее высоты (уровня). Высота меновой ценности включает три определяющих момента: уровень потребительной ценности, степень доступности благ или редкость их, а также издержки производства, включая затраты труда, прибыль на капитал и ренту. Поэтому свою теорию ценности Залеский именовал «тройственной теорией» и рассматривал меновую ценность как функцию перечисленных переменных величин. Характер зависимости ее от указанных переменных может быть обозначен как «прямая пропорциональность» [2, с. 41].

Синтез психологического понимания природы потребительной и меновой ценности с теорией издержек производства (как подспорья для объяснения величины меновой ценности) покоился на недооценке объективных закономерностей, регулирующих пропорции обмена, и имел целью элиминировать само понятие стоимости. Естественно, что при такой постановке вопроса меновая стоимость превращалась из объективного явления, управляемого законом стоимости, в нечто случайное и произвольное, зависящее лишь от состояния сознания людей, обменивающихся благами.

Вслед за В.Ф. Залеским с обоснованием психологической теории ценности и общих методологических принципов психологической школы выступил приват-доцент, а затем

профессор Одесского университета Р.М. Орженцкий. В 1895 г. он опубликовал книгу «Полезность и цена», которая, по его словам, была призвана отразить в русской экономической литературе идеи, выдвинутые теоретиками австрийской школы. Он подробно излагал взгляды К. Менгера, предлагавшего определять величину ценности предельной полезностью благ, поддерживал критику трудовой теории стоимости, в особенности в марксовой ее интерпретации. В диссертации «Учение о ценности у классиков и канонистов» (1896), сводя историю экономической мысли к истории психологического направления в политической экономии, Орженцкий попытался дать философское и нравственное оправдание психологической теории предельной полезности. Причем с точки зрения понимания природы экономических категорий представителей психологического направления (Э. Бем-Баверк, Ф. Визер и другие) он ставил выше классиков [3].

Первым видным экономистом, выступившим за соединение трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, был М.И. Туган-Барановский. Еще в 1890 г. он писал, что до работы К. Менгера можно было думать, что оценка блага по его хозяйственной полезности не соответствует оценке того же блага по трудовой стоимости последнего. «Теория предельной полезности, – утверждал он, – доказывает, что оба принципа оценки находятся между собой в согласии, которое тем более, чем в большей мере распределение народного труда подчиняется хозяйственному принципу» [4]. Ему принадлежит приоритет в постановке проблем полезности и ее связи с категорией стоимости. Аналитическое доказательство пропорциональности предельной полезности хозяйственных благ, свободно воспроизводимых в народном хозяйстве, их трудовым стоимостям дал математик Н.А. Столяров.

Туган-Барановский проводил различие между «историческими» и «логическими» категориями. В числе последних он называл «ценность» и «стоимость» как присутствующие всем формам хозяйства; причем под первой он понимал получку, а под второй – трудовые затраты. Хозяйственная ценность,

по его словам, «есть то значение, которое мы придаем данному предмету в силу нашего сознания, что от обладания им зависит большая или меньшая степень нашего благополучия» [5]. Он также различал «объективную» и «субъективную» хозяйственную ценность, причем первичным, исходным понятием считал субъективную ценность. Величину последней русский экономист связывал с «предельной полезностью» предмета. Закон определения ценности хозяйственного блага его предельной полезностью он объявил «всеобщим экономическим законом».

Тенденция примирения классической экономической школы с психологической теорией ценности, намеченная М.И. Туган-Барановским еще в 1890 г., продолжилась и в начале XX в., хотя ни один из ведущих экономистов не был до конца последователен в этом отношении.

Крупнейшим представителем психологического направления был А.А. Мануйлов. В статье «Ценность» (1903) он заявлял, что сторонники трудовой теории стоимости представляли себе оценку хозяйственных благ при простейших условиях, исходили из подмеченного ими эмпирического закона, но не дали ему никакого объяснения [6]. Сначала он попытался «примирить» теорию трудовой стоимости с теорией предельной полезности, а затем совершенно отказался от трудовой теории.

Политическая экономия, по словам А.А. Мануйлова, имеет дело лишь с теми оценками, которые люди используют в процессе хозяйственной деятельности; эти оценки суть явления психические и совершаются лишь в сознании человека. Автор различал «индивидуальные» и «социальные» оценки, определяя последние как результат «психического общения людей, живущих в обществе», как «равнодействующую психических сил, столкнувшихся при торге» [7, с. 4]. Социальные оценки образуют основу всей экономической жизни, определяют направление хозяйственной деятельности; политическая экономия «изучает явления, прямо или косвенно связанные с социальными оценками, и в тех пределах, в которых эта связь может быть прослежена и учтена» [7, с. 7].

Трудовую теорию стоимости большинство экономистов соединяли с теорией издержек производства, согласно которой цена продукта регулируется ценами факторов производства. В русской литературе наиболее подробный анализ теории издержек был дан В.К. Дмитриевым. Из всех вопросов экономической теории его более всего занимала проблема рыночной цены и факторов, ее определяющих. Прослеживая эволюцию теории издержек производства, Дмитриев обратил особое внимание на один из ее вариантов, представленный в работах Д. Рикардо, и сделал попытку посредством математического анализа доказать, что эта теория с точки зрения основных ее положений верна.

В.К. Дмитриев рассматривал теорию издержек производства Д. Рикардо, опираясь на А. Смита, который поставил вопрос об относительной ценности товаров в противовес их внутренней ценности. Дмитриев считал голословными утверждения представителей классической школы (Пети, Франклина и других) о том, что ценность товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство. Он игнорирует и аналогичные положения концепций А. Смита и Д. Рикардо, а в основу математического анализа кладет предпринятое А. Смитом разложение цены на ее составные элементы: издержки на заработную плату, на возмещение орудий труда и материалов, а также на сумму прибыли и сумму ренты.

Более глубокий анализ связи между ценой, спросом и функцией полезности пытался дать В.С. Войтинский; он выдвинул собственную теорию рыночных цен, в которой главным объектом являются мотивы покупателей и продавцов. В теории потребления определяющим мотивом Войтинский считал внутреннюю склонность потребителя, его «волевое» стремление получить полезность. Последнее, писал он, «всегда выражается в готовности потребителя принести известные жертвы ради обладания товаром» [8, с. 81]. Величина полезности измеряется с этой точки зрения «денежными жертвами» потребителей; она всегда сугубо субъективна, ибо «полезности товаров для разных лиц не являются однородными величинами» [8, с. 89, 90]. Войтинский вносит ряд существенных изменений в теорию австрийской школы: вводит

закон убыви полезностей последовательных единиц товара, причем не только для однородных и делимых товаров; формулирует закон, согласно которому величина полезности определяется не предельной полезностью вообще, а предельной полезностью «по бюджету потребителя».

Наибольшую сумму полезностей, писал В.С. Войтинский, потребитель получит тогда, когда предельные полезности всех товаров по его бюджету будут равны. Математическое обоснование этого принципа сводится к доказательству равенства приращений функций полезности различных товаров, входящих в бюджет потребителя. Однако, несмотря на правильность математических выкладок, этот принцип не дает научного объяснения закономерностей возникновения спроса.

Следует отметить, что в русской литературе делались попытки освободить теорию спроса и потребления от понятия субъективной ценности. Большинство экономистов как в России, так и на Западе полагали, что функция полезности выражает нечто большее, чем систему предпочтений потребителей. Войтинский же, напротив, тесно связал анализ функции полезности с потребительским бюджетом, выводя ее за рамки количества благ, безотносительного к денежным доходам. Но ни Войтинский, ни его западные предшественники (Л. Вальрас, В. Парето) не смогли связать функцию полезности с движением цен и денежных доходов. Впервые в мировой литературе это сделал русский экономист-математик Е.Е. Слуцкий [9].

Обоснование принципа равенства предельных полезностей благ по бюджету потребителей составляет самую суть современной теории спроса, в основе которой лежит анализ функции полезности как определенной системы предпочтения потребителя. Войтинский сделал первые шаги по классификации мотивов, лежащих в основе поведения покупателей и продавцов. Но он исходил из ненаучной, субъективной трактовки экономических явлений, связанной с анализом функции спроса.

Е.Е. Слуцкий сделал следующий шаг – предпринял попытку отказаться от субъективной трактовки функции спроса, поставив

более отчетливо вопрос о потребительной стоимости совокупности благ, входящих в бюджет потребителя, а тем самым – и о возможности сравнения относительных уровней потребительных ценностей различных благ. Благодаря этому функция полезности оказывается объективной характеристикой потребительных стоимостей. Критикуя психологическую теорию Э. Бем-Баверка, Слуцкий убедительно показал, что утверждение об измеримости субъективной ценности покоится на полном непонимании, во-первых, сути ценности как экономической категории и, во-вторых, задач математического анализа функции полезности [10].

Е.Е. Слуцкий не обсуждал вопроса о происхождении функции полезности, а исходил из факта ее существования. Его интересовало поведение этой функции при изменении цен и доходов. Предполагалось, что в основе действий потребителей лежит определенная система предпочтений. При такой постановке вопроса анализ функции полезности сводился не к вычислению абсолютного значения функции или ее производных, а к рассмотрению изменений ее уровня, что позволяет учесть реальное экономическое содержание самой функции. В этом отношении Слуцкий пошел значительно дальше не только Л. Вальраса и В. Парето, но и В.С. Войтинского. Последний не смог полностью освободиться от предрассудков сторонников математической школы на Западе, придававших решающее значение абсолютной величине функции полезности.

Идея Слуцкого, положенная в основу математического анализа проблемы потребительского спроса, представляется довольно простой: если некоторая функция $u(x)$ есть функция полезности или функция потребления, то есть если ее значения возрастают при переходе к более предпочтительной структуре потребления x , то всякая произвольно взятая монотонно возрастающая функция $U(x) = G[u(x)]$ тоже возрастает при переходе к более предпочтительной структуре потребления (иначе говоря, она тоже есть функция потребления) [11]. Правда, использованный им для нахождения производных объемов потребляемых благ по ценам и доходу математический аппарат был несколько громоздким. Однако уже первые и вторые производные функции полезности при их эмпирическом

определении через коэффициенты эластичности спроса дают достаточно полное описание ее поведения (вернее, ее максимальных уровней) и возможность предсказывать с большой степенью приближения изменения спроса. С этой целью Е.Е. Слуцкий рассматривал поведение функции полезности при изменениях в индивидуальном спросе как функции дохода, зависимость спроса на какое-либо благо от его цены, а также влияние цены одного блага на спрос на другое и т.д.

Наряду со Слуцким огромный вклад в развитие мировой экономической науки внес уже упоминавшийся выше М.И. Туган-Барановский. Он создал так называемую социальную теорию распределения, вошедшую ныне во все западные учебники по экономике, заложил фундамент современной инвестиционной теории циклов, трансформировав теорию экономических кризисов в теорию экономических конъюнктур, обосновал теорию экономических колебаний в длительном временном интервале, явившуюся предшественницей концепции «длинных» и «коротких» волн. Изучая причины циклических кризисов, Туган-Барановский установил связь между изменением экономической активности и периодическим обновлением основного капитала. Заслуги русского ученого получили мировое признание. Э. Хансен в книге «Экономические циклы и национальный доход» (1959) сравнил вклад М.И. Туган-Барановского в теорию экономических циклов с фундаментальным трудом А. Смита «Богатство народов».

Туган-Барановский впервые показал, что в цикле взаимосвязанных оборотов капитала огромную роль играют денежные накопления, банковские ресурсы, которые либо идут на увеличение инвестиций, либо образуют фонд сбережений. Он предвосхитил основную идею кейнсианской теории циклов – идею определенного соотношения между сбережениями и инвестициями как главной внутренней пружины механизма экономической активности. Накопление ссудного капитала предстает у Туган-Барановского как накопление пара в цилиндре: когда оно достигает известной величины, ссудный капитал выталкивается в сферу действующего капитала; когда же он истощается, производственная активность снижается до исходного уровня.

М.И. Туган-Барановский первым сформулировал важнейший закон инвестиционной теории циклов: фазы промышленного цикла определяются законами инвестирования. Если попытаться выразить эту идею в терминах кейнсианской школы, она примет следующий вид: расширение инвестиций, главным образом в отраслях, производящих «капитальные блага», образует первопричину последующего «возмущающего» движения всех элементов экономической активности, основу так называемого «мультипликационного процесса» – взаимосвязанного роста всех производств и увеличения общей суммы доходов «со множителем», то есть с чистым приращением инвестиций. Этот же процесс может стать причиной снижения экономической активности в силу сужения инвестиционных возможностей.

Согласно взглядам М.И. Туган-Барановского, исчерпание инвестиционного потенциала связано с условиями применения ссудного капитала, ограниченностью банковских ресурсов и, самое главное, с непропорциональным распределением свободных денежных средств между различными сферами их приложения. Диспропорциональность, по Туган-Барановскому, – главная причина экономических кризисов, которая, в свою очередь, обусловлена природой капиталистического хозяйства как хозяйства анархического. Признание анархической природы капитализма вовсе не делает инвестиционную теорию циклов марксистской, как это утверждают некоторые западные экономисты (Э. Жамс), но сближает ее с современными концепциями экономических колебаний, в которых последние рассматриваются в качестве внутренне присущего капиталистической системе свойства.

Нарушение ритма экономической активности, приводящее к кризису, объясняется, по мнению Туган-Барановского, отсутствием параллелизма на рынках разной продукции в период бурного роста экономики, дисбалансом между накоплением и инвестированием, диспропорциональностью в движении цен на капитальные блага и потребительские товары, несовпадением ритмов производства, средств производства и предметов потребления вследствие неравномерного инвестирования в эти отрасли и несоот-

ветствия цен на их продукцию [12]. (Позднее этот механизм получил название «принципа акселерации», то есть ускорения, связанного с опережающим ростом цен на капитальные блага.)

Таким образом, в теории М.И. Туган-Барановского в зачаточной форме обнаруживаются почти все элементы современной инвестиционной теории циклов. Вопреки утверждению Э. Жамса, Туган-Барановский не только не считал, что кризисы имеют тенденцию становиться все более тяжелыми, но, наоборот, утверждал, что они могут все более смягчаться благодаря введению синдикатами и трестами плановых начал в процесс производства капитала. Более того, русский экономист пришел к выводу, что «кризис не есть неизбежный фазис капиталистического цикла».

О влиянии идей М.И. Туган-Барановского на либеральную политическую экономию свидетельствуют, с одной стороны, многочисленные прямые ссылки на его работы, а с другой – само содержание соответствующих концепций. Так, еще в 1901 г. А. Шпитгоф, выступая в Берлинской ассоциации политических наук, посвятил свой доклад разбору теории Туган-Барановского и без оговорок принял его тезис о первенствующем значении инвестиций в ходе промышленного цикла [13]. Мысль о диспропорциональности в движении сбережений и инвестиций разделяли Э. Эйленбург [14], Л. Поле [15] и другие. В. Зомбарт на заседании Союза социальной политики в 1903 г. заявил, что теория М.И. Туган-Барановского является чрезвычайно важным «шагом вперед и, без сомнения, высшей формой теории кризисов» [16]. Полностью поддержал эту теорию и французский экономист Ж. Лескюр [17]. Аналогичные идеи развивал в книге «Периодические кризисы перепроизводства» А. Афталион [18], который, соединяя идеи Туган-Барановского и Шпитгофа, сосредоточил внимание на проблеме диспропорциональности между расширением производства капитальных благ и производством предметов потребления, что приводит к перенасыщению техникой и является, по его мнению, главной причиной экономических колебаний. А. Афталион способствовал утверждению в западной литературе идеи, которую

М.И. Туган-Барановский заимствовал у К. Маркса, - идеи о связи циклического характера капиталистического производства с периодическим обновлением основного капитала.

Весьма благосклонно отзывался о концепции М.И. Туган-Барановского и выдающийся английский экономист Д.М. Кейнс. Он принимал все основные положения теории о соотношении между сбережениями и инвестициями, но возражал против одного ее пункта – о зависимости темпа экономических колебаний от неравенства в распределении доходов. С критикой этого положения выступал и Э. Жамс. В действительности идея о связи экспансионистских процессов с неравенством в распределении доходов не играет важной роли в теории Туган-Барановского: центральное звено в ней образует мысль о возможности безграничного расширения капиталистического производства посредством регулирования инвестиционного процесса.

Заслуживает внимания мысль английского буржуазного историка Э. Уиттакера о том, что взгляды М.И. Туган-Барановского находятся в известном родстве с идеями Д.С. Милля о важности накоплений в период депрессии для последующего процветания промышленности [19], идеями, которые оказали серьезное воздействие на формирование современной инвестиционной теории экономических циклов. И это является еще одним свидетельством несостоятельности господствующей ныне среди либеральных экономистов версии о «кейнсианской революции» в экономической теории.

Э. Уиттакер отмечает влияние теории М.И. Туган-Барановского на экономистов во многих странах: в Германии – через труды А. Шпитгофа и И.А. Шумпетера; во Франции – через труды Ж. Лескюра и А. Афталиона; в Швеции – через труды Г. Касселя, К. Викселя, а через них – на широкий круг теоретиков в других странах (Р. Хэррод, А. Мецлер, Э. Хансен).

Мировое признание получили достижения отечественной экономико-математической школы. В 20-е годы ее прогресс в значительной мере обеспечивался благодаря испытанным методам математической

статистики. В этой связи нужно отметить большую и плодотворную работу Конъюнктурного института, который возглавлял выдающийся экономист-математик Н.Д. Кондратьев. Уже в середине 20-х годов в институте изучались глобальные проблемы анализа статистических рядов. Эта работа увенчалась созданием нового раздела математики – теории случайных функций. Большой вклад в развитие данного направления внес Е.Е. Слуцкий. Продолжая исследования в рамках теории вероятностей и учения о кривых распределения, он сосредоточил внимание на методах исчисления вероятностей и корреляционных аспектах, анализировал широкий круг проблем, связанных со стохастическими процессами в экономике и исчислением вероятностей в условиях неполноты данных. Особый интерес представляет его статья «Сложение случайных причин как источник циклических процессов», обобщавшая в математической форме исследования Конъюнктурного института по теории экономических колебаний.

Если М.И. Туган-Барановский преобразовал теорию кризисов в теорию экономических конъюнктур, то Н.Д. Кондратьев существенно дополнил последнюю изучением факторов подъема или, напротив, спада экономической активности, что позволило бы предвидеть наступление соответствующих фаз в ходе волнообразного развития промышленного цикла. Кондратьев не только не ограничился изучением эндогенных факторов экономической активности, но и поставил вопрос о совокупном действии случайных причин, влияющих на экономическую динамику извне (например, солнечная активность, воздействующая на урожайность сельскохозяйственных культур). Будучи разносторонним ученым, Кондратьев придавал большое значение не только факторам технического прогресса, на что обращали главное внимание зарубежные экономисты, но и на длительные и в то же время устойчивые колебания – погоды, урожайности и т.п., наряду с другими факторами обуславливающие волнообразный характер промышленного производства. Неслучайно в центре его экономико-математических исследований оказались проблемы предвидения и прогнозирования изменений конъюнктуры [20, 21].

Опираясь на теорию Кондратьева, Слуцкий обобщил теорию экономических конъюнктур и, используя богатый статистический материал, собранный отчасти М.И. Туган-Барановским и его зарубежными коллегами, создал учение о циклических колебаниях, вызываемых действием случайных причин, в том числе и изменением солнечной активности. Слуцкий писал, что почти все явления хозяйственной жизни подобно многим другим процессам (социальным, метеорологическим и т.д.), протекают во времени чередой подъемов и падений, как бегущие одна за другой волны. И как на море последовательные волны не повторяют в точности одна другую, так и в экономике соседние циклы никогда полностью не совпадают ни по продолжительности, ни по высоте подъема. И все же сквозь многообразие индивидуальных особенностей более или менее явственно проступают общие черты процесса и некоторая приблизительная правильность. Многочисленные перекрещивающиеся действия случайных причин, выступая как закономерный процесс, поддаются гармоническому анализу.

Фундаментальное значение для развития теории сравнения плановых вариантов имело открытие Л.В. Канторовичем линейного программирования (1939). Разрабатывая проблемы функционального анализа, он выбрал особый класс задач, в которых точка экстремума лежит на границе рассматриваемой области. Именно такие задачи характерны для экономики.

Предложенный Л.В. Канторовичем метод разрешающих множителей (оценок) применим к широкому классу задач, часть из которых он рассмотрел в книге «Математические методы организации и планирования производства» (1939). В том числе: 1) распределение обработки по станкам, дающее максимальную производительность при условии комплектности; 2) организация производства с обеспечением максимального выполнения плана при условии заданного ассортимента; 3) наиболее полное использование механизмов; 4) максимальное уменьшение отходов; 5) максимальное использование комплексного сырья; 6) наиболее рациональное использование топлива; 7) наилучшее выполнение плана строительства при различ-

ных строительных материалах; 8) наилучшее распределение посевной площади; 9) наилучший план перевозок.

Не останавливаясь на достигнутом, Канторович показал возможные пути дальнейшего применения математических методов в планировании и экономике. Он определил основную задачу построения оптимального плана, методы нахождения оптимума для народного хозяйства в целом, подчеркнул необходимость перехода от статистических задач к динамическим на основе моделирования процессов в экономике.

Приоритет советской науки в области линейного программирования и вклад Л.В. Канторовича в становление этой новой математической дисциплины общепризнанны. В 1959 г., через 20 лет после его опубликования в СССР, труд Канторовича был переведен на английский язык, а затем издан полностью в журнале «Наука управления» с предисловием известного американского эконометриста Т. Купманса. Последний характеризовал работу Канторовича как «действительно замечательный документ в истории науки управления, линейного программирования и вообще экономической теории», подчеркивая, что в 1939 г. «имелось очень мало из того, что могло бы служить источником для идей данного научного доклада в той конкретной форме, в которой они были представлены. Этот высоко творческий труд предстает как вклад математической мысли в проблемы, которые немногие в то время могли постигнуть как математические по своей природе» [23].

Следует особо выделить роль профессора В.В. Новожилова в развитии линейного программирования в СССР. Еще в 1939, 1941 и 1947 гг. он выступил в печати во статьями, относящимися к общим проблемам социалистической экономики и оптимального планирования. В первой статье излагались методы приведения различных плановых вариантов к общему эффекту для сравнения их между собой. Во второй критически анализировались практиковавшиеся в то время методы соизмерения вложений и эффекта от них. Наконец, в третьей Новожилов сформулировал очень важное для народного хозяйства понятие затрат обратной связи. Работы В.В. Новожилова перекликались с работами

Л.В. Канторовича и развивали его идеи, касающиеся сравнения плановых вариантов, хотя и шли в несколько ином направлении. Как показал позднее норвежский ученый Р. Фриш, метод выбора оптимального плана производства продукции и альтернативных возможностей Новожилова может быть легко преобразован в задачу линейного, а именно целочисленного программирования.

Обобщая ранние работы, в 1959 г. В.В. Новожилов выступил с фундаментальным трудом «Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве». В нем содержались принципиально новые решения актуальных проблем оптимального планирования. Плодотворно развивая учение К. Маркса применительно к социалистическому хозяйству, но идя своим путем, четко экономически аргументируя выдвигаемые положения, Новожилов пришел к тем же выводам, что и Канторович, книга которого «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» вышла в том же 1959 г. Эти основополагающие исследования удалось осуществить благодаря титаническим усилиям академика В.С. Немчинова, который также внес существенный вклад в пропаганду линейного программирования и других экономико-математических методов. Его книга «Экономико-математические методы и модели» (1962) творчески развивала идеи Л.В. Канторовича и В.В. Новожилова, представляла многие оригинальные идеи; прежде всего это касается так называемой продуктово-трудовой модели. Этот труд был очень близок к работам В.В. Новожилова, ибо в них использовался общий критерий оптимальности достижения минимума совокупных затрат труда в народном хозяйстве.

Историческое значение имело организованное В.С. Немчиновым Первое всесоюзное совещание по применению математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании, состоявшееся в апреле 1960 г. Оно явилось поворотным пунктом в развитии отечественной экономической науки, ибо дало импульс подлинному буму применения математических методов в экономике и смежных областях знания – социологии, лингвистике, психологии, экономической географии и медицине. Труды совещания, изданные В.С. Немчино-

вым, содержали богатейший материал не только в области применений линейного программирования, но и всего комплекса математических дисциплин, плодотворность которых мы можем оценить по достоинству лишь сегодня. В.С. Немчинов подготовил почву для создания в рамках АН СССР Центрального экономико-математического института (1963), который возглавил академик Н.П. Федоренко. В институте широким фронтом развернулись исследования по оптимальному планированию и управлению народным хозяйством [24].

Литература:

1. Бутовский А.А. Опыт о народном хозяйстве или начала политической экономии. М.: 1847. С. 12,17.
2. Залеский В.Ф. Учение о происхождении прибыли на капитал. Вып. 1. Казань: 1893.
3. Орженцкий Р.М. Учение о ценности у классиков и канонистов. Одесса: 1896.
4. Туган-Барановский М.И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // «Юридический вестник», №10, 1890. С. 228.
5. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб.: 1911. С. 41.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIII. СПб.: 1903.
7. Мануйлов А.А. Пособие к лекциям по политической экономии. Вып. 1. М.: 1907.
8. Войтинский В.С. Рынок и цены. М.: 1906.
9. Слуцкий Е.Е. К теории сбалансированного бюджета потребителя // Экономико-математические методы. Вып. 1. М.: Наука, 1963.
10. Slutsky E. Zur Kritik des Bohm. – Bawerk'schen Wertbegriffs und seiner Lehre von der Messbarkeit des Wertes // Schmoller's Jahrbuch fur Gesetzgebung. Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. Jahrgang 51, 4. Heft. 1927.
11. Волконский В.А. Об объективной математической характеристике народного

потребления // Экономико-математические методы. Вып. 1 М.: Наука, 1963. С. 204.

12. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М.: 1912. С. 153.

13. Spiethoff A. Vorbemerkungen zu einer Theorie der Überproduktion // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung im Deutschen Reiche. Berlin, 1902.

14. Eulenburg E. Die gegenwertige Wirtschaftskrise // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. B. XXIV. Berlin, 1902.

15. Pohle L. Bevölkerungsbewegung. Kapitalbildung und periodische Wirtschaftskrisen. Berlin, 1902.

16. Sombart W. Versuch einer Kriesensystematik // Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 1904. Bd. II. № 3. S. 130.

17. Лескюр Ж. Общие и периодичес-

кие промышленные кризисы. СПб.: 1908. С. 455.

18. Aftalion A. Les crises periodiques de surproduction. Paris, 1913.

19. Wittaker E. Sools and Streams in Economic Thought. London, 1961.

20. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. М.: 1925. Т. 1. Вып. 1.

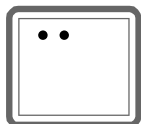
21. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М.: 1928.

22. Слуцкий Е.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 101.

23. Management Science. 1960. №4. P. 365.

24. Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М.: Наука, 1998.

Материал для журнала «РВВ» подготовлен соб. инф.

Международные экономические отношения.

*2-е издание, переработанное и дополненное. Учебник.
Под редакцией И.П. Фаминского.*

– М.: Экономистъ, 2004. – 880 с.

Книга написана коллективом авторов (И.П. Фаминский, Л.В. Сабельников, В.Ю. Пресняков, И.С. Мухаметшин, А.Н. Каменский, А.С. Булатов, И.А. Спиридонов, М.В. Кулаков, К.Г. Сусанян) и используется при чтении лекций, в том числе и ВАВТ. Первое издание книги появилось еще в 2001 г. Но потребовалось еще одно издание, т.к. интерес к данной тематике высок.

Учебник состоит из пяти разделов и 32 глав. Конечно, даже в этом фундаментальном труде удалось рассмотреть далеко не все проблемы, относящиеся к международным экономическим отношениям. Но на сегодня это, пожалуй, один из наиболее полных и обстоятельных учебников по данной теме.